

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО КАМЫШЕВА ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 3990/06)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

20 мая 2010 г.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

20/08/2010

Это решение станет окончательным при условиях, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Может подвергаться редакторской правке.

По делу Камышева против Украины,

Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседая Палатой в составе:

Peer Lorenzen, *председатель,*

Renate Jaeger,

Rait Maruste,

Mark Villiger,

Isabelle Berro-Lefèvre,

Zdravka Kalaydjieva, *судьи,*

Mykhaylo Buromenskiy, *ad hoc судья,*

и Claudia Westerdiek, *секретарь секции,*

Рассмотрев дело в закрытом заседании 27 апреля 2010 года,

Провозглашает следующее решение, принятое в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело открыто по заявлению (№ 3990/06) против Украины, поданному в суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Беларуси г-ном Олегом Леонидовичем Камышевым (далее – «заявитель») 26 января 2006 года.

2. Заявителя, которому была предоставлена оплата правовой помощи, представлял г-н А. П. Бущенко, адвокат, практикующий в Харькове. Украинское Правительство (далее – «Правительство») представлял его уполномоченный г-н Юрий Зайцев из Министерства юстиции Украины.

3. 13 декабря 2006 года Председатель Пятой Секции постановил уведомить Правительство о данном заявлении. Он также постановил рассмотреть заявление по существу одновременно с рассмотрением его приемлемости (статья 29 § 3).

4. Письменные материалы были получены из Хельсинкского фонда по правам человека в Варшаве, а также от Международной федерации по правам человека, которым было позволено участвовать в качестве третьей стороны (статья 36 § 2 Конвенции и правило 44 § 2).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1960 году.

6. В марте 2003 года правоохранные органы Беларуси арестовали г-на Д., бывшего заместителя председателя таможенного комитета Беларуси, за невыполнение его служебных обязанностей. Заявитель участвовал в деле в качестве свидетеля. Арест г-на Д. был частью проходящей в Беларуси кампании «по борьбе с коррупцией и правонарушениями со стороны государственных должностных лиц».

7. По утверждению заявителя, осенью 2004 года следственные органы оказывали на его давление, чтобы принудить его дать показания против г-на Д., заявив, что если он откажется, он также подвергнется преследованию.

8. В декабре 2004 года заявитель отправился в Житомир, Украина, чтобы навестить свою бабушку. Во время пребывания в Житомире с ним случился сердечный приступ. Он находился на стационарном лечении в течение четырех месяцев, после чего местная медицинская комиссия присвоила ему вторую группу инвалидности. По словам заявителя, его жена сообщила следственным органам Беларуси о месте его пребывания в Украине и о его болезни.

9. В начале 2005 года заявитель получил вид на жительство в Украине.

10. 8 июня 2005 года в Беларуси было возбуждено уголовное дело в отношении заявителя за злоупотребление властью в 2002-2003 годах во время его работы таможенником в соответствии со статьей 424 § 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающей максимальное наказание в виде 10 лет лишения свободы. В тот же день следственные органы Беларуси постановили, что заявитель скрывается от правосудия и должен быть задержан.

11. 7 июля 2005 года власти Беларуси выдали международный ордер на его арест.

12. 29 июля 2005 сотрудники отдела борьбы с организованной преступностью Министерства внутренних дел Украины задержали заявителя в Житомире. Он был помещен в Житомирский изолятор временного содержания (далее – «ИВС»).

13. 1 августа 2005 года заявитель был доставлен в Королёвский районный суд Житомира (далее – «Королёвский суд»), который

принял решение о его предварительном заключении сроком на 10 дней.

14. 3 августа 2005 года Генеральная прокуратура Украины (далее – «ГП») получила по факсу запрос из Генеральной прокуратуры Беларуси о выдаче заявителя. Оригинальный запрос и сопровождающие документы были получены 12 августа 2005 года.

15. 4 августа 2005 года заявитель пожаловался на головную боль и головокружение, и ему была вызвана скорая помощь. Ему был поставлен диагноз гипертония и прописаны лекарства для снижения кровяного давления. Скорая помощь пришла к выводу, что состояние здоровья заявителя не исключает его пребывания в ИВС.

16. 8 августа 2005 года Королёвский суд постановил, что содержание заявителя под стражей должно быть продлено на один месяц для обеспечения его экстрадиции в Беларусь.

17. 16 августа 2005 года ГП постановила, что заявителя следует выдать в Беларусь. ГП отдала приказ Государственному департаменту по вопросам исполнения наказаний приступить к экстрадиции заявителя.

18. 19 августа 2005 года представители заявителя подали в Печерский районный суд г. Киева (далее – «Печерский суд») апелляцию против решения об экстрадиции заявителя. Они утверждали, что уголовное преследование заявителя было частью политически мотивированной кампании против некоторых высокопоставленных сотрудников таможни, организованной, чтобы продемонстрировать народу Беларуси, что идет постоянная «борьба с коррупцией». Они также отметили, что заявитель ранее допрашивался в качестве свидетеля по делу г-на Д., бывшего заместителя председателя Таможенного комитета Беларуси, и что его отказ от дачи показаний против Д. стал причиной его уголовного преследования. Кроме того, они утверждали, что решение об экстрадиции было принято заместителем Генерального прокурора, а не Генеральным прокурором, как того требует закон.

19. 22 августа 2005 года в связи с реконструкцией Житомирского ИВС заявитель был переведен в Черняховский ИВС.

20. 23 августа 2005 года ГП приостановила экстрадицию в связи с разбирательством в Печерском районном суде.

21. 26 августа 2005 года Житомирский областной апелляционный суд подтвердил решение от 8 августа 2005 года. В тот же день заявитель перенес второй сердечный приступ и был переведен в Центральную городскую больницу Житомира, где он находился под надзором милиции до 8 сентября 2005 года.

22. 2 сентября 2005 года Печерский суд удовлетворил апелляцию заявителя против решения ГП о его экстрадиции и запретил экстрадицию заявителя в Беларусь. В частности, он заявил, что

решение об экстрадиции заявителя было принято заместителем Генерального прокурора, а не самим Генеральным прокурором, как того требует украинское законодательство. Он также заявил, что существует риск незаконного преследования заявителя со стороны государственных органов Беларуси в целях получения от него показаний против сотрудников таможи, и что экстрадиция заявителя существенно ухудшит состояние его здоровья.

23. 8 сентября 2005 года заявитель был освобожден. Он оставался в больнице до 13 октября 2005 года, но уже не находился под охраной милиции.

24. 16 сентября 2005 года ГП обжаловала решение от 2 сентября 2005 года. ГП отметила, что нет никаких доказательств того, что уголовное дело, возбужденное в отношении заявителя в Беларуси, было политически мотивированным или связанным с политическими взглядами заявителя. Кроме того, они утверждали, что они не могли учесть состояние заявителя здоровья, поскольку состояние его здоровья ухудшилось 26 августа 2005 года, а решение о его экстрадиции было принято 16 августа 2005 года. Они также отметили, что в первоначальной жалобе в Печерский суд представители заявителя также не упоминали о состоянии здоровья заявителя. Они утверждали, что при принятии решения о выдаче заявителя ГП действовала в пределах своей компетенции, в то время как суд не имел полномочий пересматривать ее решение о выдаче заявителя. Они также отметили, что заявитель и суд первой инстанции ссылались на Европейскую Конвенцию об экстрадиции 1957 года, хотя решение об экстрадиции заявителя принималось на основании Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях в гражданских, семейных и уголовных делах 1993 (далее – «Минская Конвенция»).

25. 13 октября 2005 года заявитель был направлен в специализированную нейрохирургическую клинику в Киеве для прохождения лечения. Тем не менее, он не воспользовался этим направлением. По утверждению Правительства, начиная с этого дня заявитель находится в бегах, и его местонахождение им неизвестно.

26. 10 ноября 2005 года Киевский городской апелляционный суд отменил решение Печерского суда от 2 сентября 2005 года. Он отметил, что выдача заявителя регулируется Минской конвенцией, а не Европейской Конвенцией об экстрадиции, так как Украина и Беларусь являются сторонами первого договора, а не второго. Кроме того, он отметил, что суд первой инстанции полностью проигнорировал доводы Генеральной прокуратуры по поводу отсутствия какой-либо политической подоплеки уголовного преследования в отношении заявителя и не обосновал свои выводы о «риске незаконного преследования заявителя со стороны государственных органов Беларуси в целях получения от него показаний против сотрудников

таможни». Он посчитал, что этот вывод, а также некоторые другие сведения (о болезни заявителя, например) привели суд первой инстанции к серьезной правовой ошибке. Апелляционный суд, наконец, отметил, что Печерский суд не обладает юрисдикцией для пересмотра решения об экстрадиции заявителя, учитывая, что принятие решений об экстрадиции находится исключительно в компетенции Генеральной прокуратуры.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. Соответствующее международное и национальное законодательство

1. Европейская Конвенция об экстрадиции 1957 г.

27. Украина является участником Конвенции, которая вступила в силу в отношении Украины 9 июня 1998 года. Украина сделала следующую оговорку, содержащуюся в документе о ратификации, внесенную 11 марта 1998 года:

«Украина оставляет за собой право отказать в экстрадиции, если лицо, выдача которого запрашивается, не может, в связи с его/ее состоянием здоровья, быть выдано без ущерба для его/ее здоровья».

28. В пояснительной записке к Конвенции говорится:

«Эксперт предложил принять статью 6 (а) в следующей формулировке:

«Если арест и выдача лица с большой вероятностью может причинить ему последствия исключительной тяжести и тем самым вызывает беспокойство по гуманитарным соображениям, в частности по причине его возраста или состояния здоровья, в экстрадиции может быть отказано».

Это предложение было продиктовано гуманитарными соображениями, но не было принято комитетом. Было решено, что оговорка в этом вопросе может быть сделана в соответствии с положениями статьи 26; эта оговорка, имея несколько общий характер, может быть сформулирована с учетом статьи 1 Конвенции».

2. Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях в гражданских, семейных и уголовных делах 1993 г. («Минская Конвенция»)

29. Конвенция была ратифицирована украинским парламентом 10 ноября 1994 года. Она вступила в силу в отношении Украины 14 апреля 1995 года, а в отношении Беларуси – 19 мая 1994 года. Обе страны также ратифицировали Протокол к Минской конвенции 1997

года, который вступил в силу в отношении их 17 сентября 1997 года. При ратификации Конвенции и Протокола Украина не предлагала оговорку, аналогичную оговорке к Европейской конвенции об экстрадиции (см. пункт 27 выше).

30. Другое соответствующее международное и национальное законодательство и практика упомянуты в деле *Солдатенко* (*Soldatenko v. Ukraine*, 2440/07, §§ 21-29 and 31, 23 October 2008).

В. Соответствующие международные материалы о положении в области прав человека в Беларуси

31. Соответствующие международные материалы обобщены в деле *Puzan* (*Puzan v. Ukraine*, 51243/08, §§ 20-24, 18 February 2010).

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

32. Правительство утверждает, что заявление не содержит никаких документов, подписанных самим заявителем, за исключением доверенности адвокату действовать от его имени («формы полномочий») от 26 января 2005 года. По мнению Правительства, доверенность недействительна, поскольку она была подписана еще до событий июля-августа 2005 года, на которые жалуется заявитель. Оно также отметило, что заявитель не давал полномочий на представительство его интересов в данном конкретном случае и что нет никаких свидетельств того, что заявитель непосредственно связывался с Судом или иным образом демонстрировал свою осведомленность и заинтересованность в данном заявлении.

33. Представитель заявителя предъявил документ от 27 апреля 2007 года, подписанный заявителем и подтверждающий его заинтересованность в рассмотрении данного заявления, и пояснил, что форма полномочий была ошибочно датирована 26 января 2005 года вместо 26 января 2006 года. Позднее заявитель дополнил замечания своего представителя относительно возражений Правительства в своем заявлении от 20 сентября 2007 года. Заявитель также представил новую доверенность на имя г-на Бущенко от 30 июля 2008 года.

34. Суд отмечает, что, несмотря на ошибочную дату в форме полномочий и возможные трудности в поддержании регулярных контактов между заявителем и его представителем, которые можно объяснить неопределенным положением заявителя (см. пункт 25

выше), дело содержит достаточно данных, свидетельствующих о том, что заявитель заинтересован в рассмотрении данного заявления и уполномочил г-на Бущенко представлять его интересы в этом Суде.

35. Суд не находит в данном деле никаких обстоятельств, позволяющих прийти к выводу, что заявитель потерял интерес к своему делу и что его адвокат не был уполномочен и более не может действовать от его имени. Соответственно, Суд отклоняет это возражение со стороны Правительства.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

36. Заявитель жалуется, что в случае экстрадиции в Беларусь ему угрожает опасность жестокого обращения со стороны властей Беларуси. Кроме того, он утверждает, что условия его содержания под стражей были бесчеловечными и унижающими достоинство. Он ссылается на статью 3, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Риск жестокого обращения в случае экстрадиции в Беларусь

1. Аргументы сторон

37. Правительство утверждает, что заявитель не обосновал свою жалобу по статье 3 Конвенции. Он никогда не делал подобных заявлений национальным властям. Правительство считает, что его ссылка на доклады, описывающие общую ситуацию с правами человека в Беларуси, недостаточна, и что необходимы доказательства того, что заявитель лично рискует подвергнуться жестокому обращению в Беларуси. Оно отметило, что заявитель не оспорил решение о его экстрадиции в административных судах в соответствии с Кодексом административного судопроизводства.

38. Заявитель считает, что общая ситуация с правами человека в Беларуси достаточно серьезна, чтобы оправдать его опасения. Далее он утверждает, что, будучи подозреваемым по уголовному делу в Беларуси, он имеет достаточные основания опасаться жестокого обращения. Он утверждает, что нет никаких особых обстоятельств, которые смогут защитить его от применения пыток, угрожающего любому лицу, задержанному милицией в Беларуси. Он отметил, что правовая система Беларуси не предусматривает достаточных гарантий против пыток, но, наоборот, создает благодатную почву для широкого применения пыток.

39. Заявитель также утверждает, что он принадлежит к определенной группе лиц, «причастных к расследованию, касающемуся г-на Д., бывшего заместителя председателя таможенного комитета Беларуси». Он утверждает, что белорусские следователи оказывали на него давление, чтобы заставить его дать показания против г-на Д., и угрожали ему уголовным преследованием, если он откажется сотрудничать. Заявитель считает, что белорусские следственные органы не располагают достаточными доказательствами против него, в связи с чем они могут попытаться добиться от него признания.

40. Третьи стороны отметили отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты для расследования заявлений о жестоком обращении, отсутствие независимости судебных органов и неудовлетворительную ситуацию с правами человека в Беларуси. Они сослались на международные доклады, подготовленные международными правительственными и неправительственными организациями и иностранными государствами в отношении ситуации с правами человека в Беларуси. Они также отметили нежелание властей Беларуси сотрудничать с международными организациями в области прав человека.

41. Они пришли к выводу, что вопрос об экстрадиции заявителя должен решаться не автоматически, а после тщательного рассмотрения всех соответствующих факторов и его конкретного случая. По их мнению, отсутствие индивидуального подхода и игнорирование ситуации с правами человека в Беларуси при принятии решения об экстрадиции заявителя будет нарушением статьи 3 Конвенции.

2. Оценка Суда

42. Что касается возражений Правительства относительно исчерпания национальных средств правовой защиты, Суд отмечает, что он отклонил аналогичные возражения со стороны Правительства, основанные на тех же положениях национального законодательства, в деле *Солдатенко* (см. выше, § 49). Он не видит никаких оснований прийти к другим выводам в данном случае и, соответственно, отвергает возражения Правительства по поводу необходимости исчерпания заявителем средств правовой защиты.

43. Кроме того, Суд повторяет, что при определении того, угрожает ли заявителю в случае экстрадиции реальная опасность подвергнуться обращению, запрещенному статьей 3, он будет оценивать этот вопрос в свете всех имеющихся у него материалов, или, при необходимости, материалов, полученных по собственной инициативе. В делах, подобных настоящему, Суд должен рассмотреть возможные последствия экстрадиции заявителя в принимающую страну, имея в виду общую ситуацию и его личные обстоятельства (см. *Vilvarajah and*

Others v. the United Kingdom, judgment of 30 October 1991, Series A no. 215, § 108 *in fine*). Таким образом, что касается общей ситуации в конкретной стране, Суд обычно придает большое значение информации, содержащейся в актуальных докладах независимых международных правозащитных организаций, таких как «Международная амнистия», или правительственных источников, в том числе Государственного департамента США (см., например, *Chahal v. the United Kingdom*, judgment of 15 November 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-V, §§ 99-100; *Muslim v. Turkey*, no. 53566/99, § 67, 26 April 2005; *Said v. the Netherlands*, no. 2345/02, § 54, 5 July 2005; *Al-Moayad v. Germany* (dec.), no. 35865/03, §§ 65-66, 20 February 2007; and *Saadi v. Italy* [GC], no. 37201/06, §§ 143-146, 28 February 2008). В то же время, Суд постановил, что вероятность жестокого обращения по причине нестабильной обстановки в принимающей стране сама по себе не приводит к нарушению статьи 3 (см. *Vilvarajah and Others*, cited above, § 111, and *Fatgan Katani and Others v. Germany* (dec.), no. 67679/01, 31 May 2001), и, если имеющиеся источники описывают общую ситуацию, конкретные утверждения заявителя в данном конкретном случае требуют подкрепления другими доказательствами (см. *Mamatkulov and Askarov v. Turkey* [GC], nos. 46827/99 and 46951/99, § 73, ECHR 2005-I).

44. В обстоятельствах данного дела, Суд отмечает, что международные документы свидетельствуют о наличии серьезных опасений относительно ситуации с правами человека в Беларуси, в частности, в связи с политическими правами и свободами. Тем не менее, ссылки на общие проблемы, касающиеся соблюдения прав человека в той или иной стране, не могут сами по себе служить основанием для отказа в выдаче. В связи с этим, Суд отмечает, что заявитель не утверждает, что принадлежит к политической оппозиции, которая является наиболее уязвимой группой в Беларуси, или к любой другой аналогичной группе. Утверждения заявителя, что любое лицо, подозреваемое в совершении преступления в Беларуси, рискует подвергнуться жестокому обращению, являются слишком общими, и нет никаких признаков того, что ситуация с правами человека в Беларуси является достаточно серьезной, чтобы полностью запретить экстрадицию в эту страну. Утверждения заявителя, что сотрудники таможни, подозреваемые в коррупции, являются отдельной уязвимой группой, также не подкреплены никакими доказательствами. Таким образом, нельзя сказать, что заявитель указал какие-либо конкретные обстоятельства, которые могли бы подтвердить его опасения относительно жестокого обращения.

45. Таким образом, по мнению Суда, заявитель не смог обосновать свои утверждения о том, что его экстрадиция в Беларусь станет нарушением статьи 3 Конвенции. Следовательно, эта часть жалобы

является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

В. Условия содержания под стражей в Украине

46. Стороны не представили никаких замечаний относительно приемлемости этой жалобы. В частности, Правительство не представило каких-либо комментариев в связи с правилом шести месяцев. В этой связи Суд напоминает, что правило шести месяцев, отражающее стремление Договаривающихся Сторон предотвратить оспаривание решений по истечении неопределенного промежутка времени, служит не только интересам государства-ответчика, но и правовой определенности как самостоятельной ценности. Он выделяет временные границы контроля, осуществляемого органами Конвенции, и уведомляет физические лица и органы власти о периоде, по истечении которого такой контроль невозможен. Поэтому Суд не может отказаться от применения правила шести месяцев только потому, что Правительство не подало предварительное возражение на основании этого правила (см. *Walker v. the United Kingdom* (dec.), no. 34979/97, ECHR 2000-I).

47. Суд повторяет, что ранее он уже отмечал нехватку в Украине эффективных внутренних средств правовой защиты в связи с условиями содержания под стражей, и что это является структурной проблемой (см. *Koktysh v. Ukraine*, no. 43707/07, §§ 85-87, 10 December 2009; *Kucheruk v. Ukraine*, no. 2570/04, §§ 116-118, ECHR 2007-X). При отсутствии эффективных средств правовой защиты в распоряжении заявителя, 6-месячный период начинается с даты действий или мер, которых касается жалоба, или с даты получения сведений об этих действиях или о нанесенном заявителю ущербе (*Dennis and Others v. the United Kingdom* (dec.), no. 76573/01, 2 July 2002). Таким образом, рассмотрение жалобы заявителя по статье 3 должно быть ограничено сроком содержания под стражей, входящим в 6-месячный период до дня подачи заявления (см. *Koval v. Ukraine* (dec.), no. 65550/01, 30 March 2004, and *Mikhaniv v. Ukraine* (dec.), no. 75522/01, 20 May 2008).

48. В данном случае срок содержания заявителя под стражей истек 26 августа 2005, когда он был госпитализирован. Даже если принимать во внимание пребывание заявителя в гражданской больнице под наблюдением милиции, которое продолжалось до 8 сентября 2005 года, ни один из периодов содержания заявителя под стражей в трех различных учреждениях (см. пункты 12, 19, 21 и 23 выше) не входит в 6-месячный срок, учитывая, что его жалоба на условия содержания под стражей была впервые сформулирована в заявлении от 11 марта 2006 года. Из этого следует, что эта жалоба была подана несвоевременно и

должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 1 и 4 Конвенции.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

49. В ответ на замечания Правительства, заявитель подал новую жалобу относительно риска откровенного отказа в справедливом судебном разбирательстве со стороны властей Беларуси. Он сослался на статью 6 § 1 Конвенции, которая гласит следующее:

Статья 6 § 1

«Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом».

50. Суд отмечает, что в деле *Soering* (see *Soering v. the United Kingdom*, 7 July 1989, § 113, Series A no. 161) он постановил:

«Право на справедливое судебное разбирательство в уголовном процессе, как это предусмотрено статьей 6, занимает важное место в демократическом обществе... Суд не исключает, что в отдельных случаях может быть поднят вопрос в соответствии со статьей 6 в связи с решением об экстрадиции в тех случаях, когда беглец столкнулся или может столкнуться с вопиющим отказом в справедливом судебном разбирательстве...»

51. Аналогично утверждениям заявителя в соответствии со статьей 3, эта жалоба в соответствии со статьей 6 также относится к общей ситуации с правами человека в Беларуси и не связана с какими-либо конкретными обстоятельствами, которые могли бы подтвердить опасения заявителя относительно несправедливого судебного разбирательства.

52. Таким образом, по мнению Суда, заявитель не смог обосновать свои утверждения, что его экстрадиция в Беларусь будет представлять собой нарушение статьи 6 Конвенции. Из этого следует, что эта часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

53. Заявитель также жалуется, что он не имел эффективных средств правовой защиты для оспаривания своей экстрадиции в Беларусь. Он сослался на статью 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

54. Суд, признав жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции неприемлемыми, приходит к выводу, что он не имеет аргументированных претензий по смыслу статьи 13 Конвенции (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, judgment of 18 April 1988, Series A no. 131, p. 23, § 52).

55. Следовательно, эта часть жалобы должна быть отклонена как несовместимая *ratione materiae* с положениями Конвенции, в соответствии со статьей 35 §§ 3 и 4.

V. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

56. Заявитель жаловался, что он подвергся дискриминации со стороны украинских властей, которые не приняли во внимание состояние его здоровья, потому что он является гражданином Беларуси, и его экстрадиция была проведена в соответствии с Минской конвенцией. Он считает, что если бы он был гражданином страны, которая является участницей Европейской конвенции об экстрадиции, украинские власти вынуждены были бы принять во внимание состояние его здоровья. Он сослался на статью 14 Конвенции в совокупности со статьей 3 Конвенции. Статья 14 гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

57. Суд повторяет, что статья 14 Конвенции не имеет самостоятельного смысла, так как она действует только в отношении прав и свобод, гарантированных другими основными положениями Конвенции или Протоколов к ней. Тем не менее, применение статьи 14 не предполагает нарушение одного или более из этих положений, и в этом смысле она автономна. Для применения статьи 14 достаточно, чтобы обстоятельства дела попадали под действие другого основного положения Конвенции или Протоколов к ней (см. *Thlimmenos v. Greece* [GC], no. 34369/97, § 40, ECHR 2000-IV).

58. В данном случае Суд не должен принимать решение о применимости упомянутых выше положений, потому что, даже если предположить возможность такого применения, эта жалоба является неприемлемой по изложенным ниже причинам.

59. Суд повторяет, что статья 14 защищает от дискриминационных различий в обращении с различными лицами в аналогичных ситуациях при осуществлении прав и свобод, закрепленных в Конвенции и ее Протоколах. Человек может требовать соблюдения своих прав, предусмотренных законодательством, независимо от географического

охвата этого законодательства и местонахождения человека в то время (см. *Magee v. the United Kingdom*, no. 28135/95, § 50, ECHR 2000-VI). Суд отмечает, что тот факт, что экстрадиция заявителя была проведена на основании Минской конвенции, не имел никакого отношения к национальности заявителя. Украина, как запрашиваемое государство, и Беларусь, как запрашивающее государство, являются сторонами международного договора о правовой помощи в вопросах экстрадиции, что и стало причиной такого выбора. Этот выбор ни в коей мере не был связан с личностью заявителя.

60. Таким образом, Суд приходит к выводу, что различие в обращении, на которое жалуется заявитель, не подпадает под какое-либо из оснований, указанных в статье 14 Конвенции. Следовательно, эта часть жалобы является явно необоснованной.

VI. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

61. Заявитель жалуется, что он был незаконно задержан украинскими властями, и что не было эффективного судебного контроля над законностью его содержания под стражей, а также возможности требовать возмещения за это незаконное задержание. Он сослался на статью 5 §§ 1 (с) и (f), 4 и 5 Конвенции, которая гласит:

Статья 5 (право на свободу и личную неприкосновенность)

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

А. Приемлемость

62. Заявитель утверждает, что его содержание под стражей в период с 29 июля 2005 года по 3 августа 2005 года подпадает под действие статьи 5 § 1 (с) Конвенции. Он считает, что с тех пор, как запрос о его экстрадиции был получен украинскими властями 3 августа 2005 года, его задержание подпадало под действие статьи 5 § 1(f). По мнению Правительства, весь период содержания под стражей подпадает под действие статьи 5 § 1(f).

63. Суд рассмотрел аналогичные утверждения в деле *Солдатенко* (см. выше, §§ 98-99). Он ссылается на свои выводы в том деле и отмечает, что из фактов данного дела очевидно, что украинские власти задержали заявителя и содержали его под стражей с тем, чтобы принять меры для экстрадиции. Не было никакого уголовного дела в отношении заявителя в Украине. Кроме того, власти не представили никаких других оснований для содержания заявителя под стражей, кроме намерения экстрадиции, и в материалах дела нет никаких доказательств, позволяющих предположить, что когда-либо существовали какие-либо иные причины. Поэтому, несмотря на утверждения заявителя об обратном, его содержание под стражей всегда имело целью его экстрадицию, и его жалоба должна рассматриваться в рамках статьи 5 § 1(f) Конвенции (см. *Novik*, упомянутое выше). Таким образом, статья 5 § 1 (с) неприменима в данном случае (см. *Quinn v. France*, judgment of 22 March 1995, Series A no. 311, § 53).

64. Кроме того, Суд отмечает, что жалоба заявителя по статье 5 § 5 Конвенции относительно отсутствия эффективных средств получения возмещения за его незаконное содержание под стражей, была впервые сформулирована в его заявлении от 11 марта 2006 года, в то время как его содержание под стражей и судебное разбирательство в связи с законностью задержания имели место более чем за шесть месяцев до этой даты: период содержания заявителя под стражей истек 8 сентября 2005 года, а его апелляция против постановления об аресте была отклонена 26 августа 2005 года. Таким образом, нет фактических причин, которые оправдывали бы принятие этой запоздалой жалобы. Несмотря на тот факт, что Правительство не представило никаких возражений относительно приемлемости этой жалобы, Суд повторяет, что нельзя игнорировать правило шести месяцев только потому, что Правительство не представило предварительного возражения на основании этого правила (см. пункт 46 выше). Соответственно,

жалобы заявителя в соответствии со статьей 5 § 5 должны быть отклонены как несвоевременные.

65. В этой связи Суд отмечает, что жалобы по статье 5 §§ 1(f) и 4 не являются явно необоснованными по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Кроме того, он отмечает, что они не являются неприемлемыми и по другим основаниям. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми. Жалобы заявителя по статье 5 §§ 1(c) и 5 Конвенции являются явно необоснованными и несвоевременными. Следовательно, они должны быть отклонены в соответствии со статьей 35 §§ 1, 3 и 4 Конвенции.

В. Существо дела

66. Стороны представили аргументы, аналогичные тем, которые имели место в деле *Солдатенко* (см. выше, §§ 104-107 и 116-120), а также *Светлорусов* против Украины (№ 2929/05, §§ 43-46 и 52-56, 12 марта 2009).

67. Суд ранее устанавливал нарушения статьи 5 §§ 1 и 4 Конвенции в случаях, аналогичных данному (см. *Soldatenko*, упомянутое выше, §§ 109-114 и 125-127, а *Svetlorusov*, упомянутое выше, §§ 47-49 и 57-59). Эти выводы были основаны главным образом на отсутствии достаточных юридических оснований для задержания обоих заявителей до экстрадиции и для регулярного рассмотрения вопроса о законности их задержания.

68. Изучив все предоставленные ему материалы, Суд считает, что Правительство не выдвинуло ни одного аргумента и не представило ни одного факта, способных заставить Суд прийти к другому выводу в настоящем деле. Соответственно, имело место нарушение статьи 5 §§ 1 и 4 Конвенции.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

69. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

70. Заявитель не выдвинул никаких требований относительно компенсации. Соответственно, Суд не принял никакого решения по этому поводу.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* возражения Правительства;
2. *Признает* жалобу по статье 5 §§ 1(f) и 4 Конвенции приемлемой, а остальную часть заявления – неприемлемой;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 § 1(f) Конвенции;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции.

Составлено на английском языке и объявлено письменно 20 мая 2010 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Claudia Westerdiek Peer Lorenzen
секретарь председатель